

Сербская государственность в 1903–1914 гг. Миф об «эре Перикла»

В последней четверти XIX в. мощный внешний импульс Запада, вызванный завершением промышленной революции, национальным объединением Италии и Германии, глубинным образом отразился на цивилизационном развитии «вернувшихся» после 1878 г. в Европу новых балканских государств, прежде всего Сербского княжества, которое после Берлинского конгресса оказалось в роли политического лидера региона, получив определенную пальму первенства в процессе будущего объединения славян Балканского полуострова.

К началу XX в. Сербия представляла собой совершенно патриархальную аграрную страну, где крестьянство составляло около 90% населения. Это было государство, в котором было всего около 500 км железных дорог, а промышленность состояла из 28 предприятий, на которых было занято около 2 тыс. рабочих. К 1912 г. сеть железных дорог Сербии расширилась до 1.304 км, однако основную их часть составляли узкоколейные линии. Не случайно, оценивая развитие политических и экономических процессов на Балканах в XIX — начале XX вв., известный историк и политолог Э. Хобсбаум отметил, что «многие из отвоеванных или освобожденных земель можно было назвать "европейскими" лишь из вежливости»¹. Забегая вперед, заметим, что эти слова известного ученого применимы и к метаморфозам политического развития молодого сербского государства.

Политическая палитра государственной жизни Сербии начала 80–90-х годов XIX в. существенно опережала ее экономический рост, характеризуясь становлением трех основных политических партий страны (Радикальная, Напредняцкая и Либеральная²), провозглашением в 1882 г. князя Милана Обреновича королем и принятием в 1888 г. новой сербской конституции. И именно

напредняки во главе с М. Пирочанцем, которые сменили кабинет либерала Й. Ристича, в октябре 1880 г. возглавили правительство, пытаясь превратить Сербию в государство «централизованное, основанное на власти закона, с парламентской системой (но ограниченной ровно настолько, насколько она могла бы обеспечивать законодательную гегемонию новой интеллектуальной олигархии), сильным аппаратом (как бы проводником реформ сверху) и исключительно политическими функциями. Внутренняя индустриализация, для проведения которой правительство активно привлекало иностранный капитал, становилась основой его экономической стратегии, а свобода личности и этика индивидуализма объявлялись высшими общественными добродетелями»³. В то же время важной чертой политического развития Сербии второй половины XIX — начала XX вв. являлось то, что практически все высшие слои чиновничьей и военной элиты были выходцами из сельской среды, обеспечивая своей деятельностью не столько решение конкретных управленческих задач государства, сколько весьма важную и устойчивую связь между центром и провинцией, внося в политику свою партикулярную и архаичную мотивацию. Еще в самом начале XX в. русский военный историк Е.И. Мартынов отмечал: «Сербия в полном смысле этого слова демократическая страна. В ней нет ни сословий, ни крупных землевладельцев, ни больших капиталистов. Весь народ состоит, в сущности, из равноправных и зажиточных поселян. Один брат занимает министерский пост или командует дивизией, а другие братья в это время остаются в деревне, обрабатывая свой родовой клочок земли»⁴.

Именно поэтому сербская модель либерализма значительно отличалась от западноевропейского аналога прежде всего тем, что элита, призванная осуществлять идеи «европеизации» на практике и получившая образование в западноевропейских университетах, создавалась искусственно, «сверху», без учета ментальности общества и специфики развития сербских традиционных структур. В условиях отсутствия в Сербии даже зачатков капиталистических отношений, глубинные трансформации управленческого аппарата, в связи с внедрением западноевропейского опыта, были весьма туманны и в результате свелись лишь к праву «образован-

ного человека занимать соответствующие должности в школе, суде, министерстве»⁵. Таким образом, реальная государственная жизнь страны была далека от общепринятых в Европе поведенческих норм и социокультурных стандартов. Результат подобного формирования элиты был закономерен. Историк-славист, профессор С.-Петербургского университета В.И. Ламанский тонко подметил: «Простые умные сербы очень верно выражают эту общественную болезнь Сербии, говоря: “У нас та беда, что каждый серб хочет быть министром, а каждый министр князем”»⁶. На практике это выражалось в бесконечной борьбе партий, а сама скупщина — законный орган страны, по словам П.А. Ровинского, «обратилась в пустой парад, на котором дебютировали министры и их клеветы, а остальные были безгласными свидетелями»⁷. Известный сербский писатель Бронислав Нушич как нельзя лучше охарактеризовал управленческий аппарат Сербии начала XX в.: «Ведь у нас полковники — министры юстиции, философы — министры полиции, таможенные чиновники — министры строительства. Разве тут нужны знания? Нет, для того, чтобы быть министром, достаточно иметь свою программу»⁸. К концу XIX в. такое положение вещей стало столь заметно, что даже верный сторонник короля Милана, известный сербский государственный деятель Владан Джорджевич откровенно отметил: «Средние и высшие учебные заведения поставляли для Сербии сравнительно слишком большое число чиновничьего пролетариата, который, не имея возможности иным путем зарабатывать насущный хлеб, бросился в политическую партизанскую борьбу. И ныне каждая из существующих партий имеет полный состав чиновников, так что, когда эта партия у власти, другие стараются всеми силами низвергнуть ее, ибо подобная политика стала уже вопросом хлеба насущного»⁹. Яркой иллюстрацией этой ситуации была катастрофическая быстрая смена правящих кабинетов в конце XIX — начале XX вв. Так, с февраля 1891 г. правительство возглавил триумфально вернувшийся из эмиграции лидер радикалов Никола Пашич. В 1893 г. было сформировано новое, коалиционное правительство напредняков и радикалов во главе с Л. Докичем — бывшим воспитателем молодого короля Александра. Затем, с января по март 1894 г., кабинет возглавлял Д. Си-

мич, с марта по октябрь — С. Николаевич, с октября 1894 г. по июнь 1895 г. — Н. Христоч, а затем — напредняк С. Новакович¹⁰ (1895–1896 гг.) и тот же Д. Симич (1896–1897 гг.)¹¹. С 1897 по 1900 г. сербским кабинетом министров руководил Вл. Джорджевич. Очередная его смена привела к власти в 1900 г. «свадебное министерство» А. Йовановича¹². Известный российский историк и публицист П.А. Кулаковский весьма показательно заметил: «Власть, переходя из рук в руки, от одной партии к другой, часто теряет характер государственный. Чего держалась или держится одна партия, то для партии правительственной или министерской считается неудобным, и берется, поэтому прямо противоположное. Отсюда — во внутренней жизни государства бесконечные перемены, и целые толпы здоровых и молодых чиновников, получающих пенсии, обирают казну»¹³.

По итогам Берлинского конгресса 1878 г. эвентуальным союзником Сербии могла стать только Австро-Венгрия, тем более, что такое партнерство с двуединой монархией вполне отвечало государственным интересам страны, в связи с надеждами на ее вхождение в мировую систему хозяйства и комплексную модернизацию ее экономической и политической системы, и было средством, с помощью которого, по убеждению правящей элиты, можно было добиться процветания. 24 апреля (6 мая) 1881 г. был подписан торговый договор с Австро-Венгрией, а в июне того же года князь Милан заключил с Веней политическую конвенцию сроком на 10 лет, по которой Сербия отказывалась от своих притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Вскоре была подписана и военная конвенция.

По мнению тогдашнего главы сербского кабинета М. Пирочанца, такой курс, обусловленный резким отходом от прорусской ориентации сербских правящих кругов, был вполне оправдан. Россия, несмотря на статус великой державы, по его мнению, никогда не сможет догнать быстро развивающуюся европейскую культуру, что делало перспективы русско-сербского сотрудничества весьма туманными. М. Пирочанец считал, что сербы намного ближе к австрийским славянам, чем к славянам из России. Кроме того, внешнеполитические устремления Петербурга к вытеснению с Балкан Австро-Венгрии являлись, по его мнению, за-

воевательными, а потому не соответствующими сербским интересам¹⁴. Подобное отношение к России, никак не согласующееся с идеей славянофилов о славянском братстве под сильным крылом двуглавого российского орла, проявлялось и позднее, что не ускользнуло от внимательного взгляда российских дипломатов. Посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой заметил в своих мемуарах, что «сербская культура сложилась в значительной степени под воздействием русской литературы и австрийского соседства. Россия была далеко, торговые отношения с ней были слабы. Сербии трудно было избавиться от экономической зависимости от Австрии. Будапешт и Вена были ближайшими европейскими центрами. Туда сербы ездили торговать, там они часто учились. При всей ненависти к швабам сербы перенимали их навыки, иногда даже их наружный облик. У швабов же они нередко перенимали отношение к России как к "варварской стране"»¹⁵. Да и сам торговый договор 1881 г. с Веной, по справедливому замечанию отечественной исследовательницы С.И. Данченко, «отвечал интересам сербских крестьян, вывозивших сельскохозяйственную продукцию на рынки Пешта и Вены, чем и объяснялась поддержка этой непопулярной в глазах оппозиции акции напредняцкого правительства»¹⁶.

Казалось бы, уже первые принятые законы должны были стать основой для быстрой модернизации страны. Сам король Милан, принимая депутатов Скупщины в 1884 г., произнес: «Было время, когда судьбу народа решало только оружие и только от его успеха зависел прогресс народа. Но политические успехи на этом пути поставили нас в положение, когда мы ведем борьбу с регрессом, борьбу с бездельем, борьбу с азиатскими пережитками»¹⁷. В 1881 г. были приняты законы о печати и собраниях; появился еще ряд важных законодательных актов: о судьях, о валюте, о Народном банке. Продолжились, начатые еще в первой половине XIX в., реформы образования. В 1838 г. в Крагуевце, по указу князя Милоша Обреновича, был основан Лицей, в 1841 г. переведенный в новую столицу страны Белград. На его базе в 1863 г. была сформирована Великая школа, в 1905 г. преобразованная в Университет. В 1882 г. появился Закон о начальных школах, согласно которому было введено всеобщее начальное

образование, а за период с 1882 по 1903 гг. в стране было открыто 393 начальных школ¹⁸. Заметим, что в начале XX в., несмотря на такие внешние успехи в организации образования, основная масса сельского населения Сербии была неграмотной, а ученики по окончании школы быстро забывали все полученные знания. Как заметил известный российский исследователь А.Л. Шемякин, «мотивация для получения образования еще не созрела»¹⁹. В то же время Сербия испытывала настоящий газетный бум. К 1912 г. в стране издавалось 20 журналов самого разного толка и 82 газеты с общим тиражом почти 50 млн экземпляров²⁰! В одном только Белграде, численность жителей которого не превышала 80 тыс. человек, выходило 15 ежедневных газет²¹. Однако можно ли говорить в этой связи о формировании в стране европейской политической культуры и общественного мнения, соответствующего европейским стандартам? Едва ли, что сознавали и сами правители страны. В конце 1904 г. К.А. Губастов, бывший в 1897–1901 гг. российским дипломатическим представителем в Черногории и сменивший в марте 1904 г. на посту посланника в Сербии Н.В. Чарыкова, в одном из своих донесений привел разговор с новым сербским королем Петром Карагеоргиевичем: «У нас нет, — сказал с горечью тот, — ни серьезных писателей, ни честных газет. Все они изощряются только в ежедневной брани друг с другом и живут скандалами. За полуторогодовое пребывание мое в Сербии я убедился, — добавил король, — что от нынешнего поколения ничего нельзя ожидать хорошего»²².

Милан Обренович продолжил также начатую еще в первой половине XIX в. комплексную реорганизацию вооруженных сил страны, сделав г. Ниш военным центром Сербии. В 1883 г. в Княжестве была введена всеобщая воинская повинность, армия перешла на новую организационно-штатную структуру, появились рода войск, а также жандармерия. В 1884 г. в Белграде открылись курсы Генерального штаба; были созданы школы младших командиров. В 1889 г. в столице были основаны пехотное и артиллерийское училища, а в 1896 г. — инженерная школа. В том же 1896 г. был принят закон об устройстве армии, а экс-король Милан, вернувшись в страну, стал ее фактическим главнокомандующим. При нем было создано 20 новых пехотных полков.

В 1898 г. в окрестностях г. Крушевца были проведены первые крупные военные маневры, в которых участвовали две дивизии — Шумадийская и Моравская, общей численностью 30000 человек. Значительно увеличились и расходы на содержание вооруженных сил, составляя в конце XIX в. 31% от общего бюджета страны в 46 млн динаров. За четыре года (1897–1900) до 500 человек увеличилось число офицеров, получивших профессиональное военное образование. Число лиц, получавших военное образование за границей, к концу XIX в. увеличилось. Так, на 1898 год в Австро-Венгрии обучалось 23 человека, в России — 12, в Германии — 3 и столько же во Франции, один человек учился в Бельгии²³. Заслугой Милана можно считать также вооружение армии пулеметами. Кроме того, необходимость комплексного развития вооруженных сил одновременно стала вызовом для начала модернизации сербской экономики. Именно военные заводы были первыми современными предприятиями страны. Важную роль в сербской экономике конца XIX — начала XX вв. играл построенный в 1857 г. по образцу аналогичного предприятия в итальянском Турине, позднее ставшего производить известную марку автомобилей «Фиат», военный завод в г. Крагуевце, который, кроме производства и ремонта вооружений, стал и арсеналом оружия и боеприпасов для сербской армии. Значительную роль в модернизации сербской военной индустрии играли французские военные технологии²⁴.

Однако брошенный властью вызов патриархальному социуму не мог остаться без ответа, а цена, которую Милану и его преемнику Александру Обреновичу пришлось заплатить за эти реформы, оказалась слишком высока. Новый проавстрийский курс политики Милана Обреновича вылился во вполне конкретный внутривластный кризис. Причем, политические столкновения проходили не только на заседаниях скупщины или на страницах печати. Основным противником нового режима стала Радикальная партия во главе с Н. Пашичем, чья концепция прогрессивного развития страны основывалась на возможности альтернативной модернизации, более соответствующей сербским традициям и реалиям. И его шансы победить были высоки, поскольку за ним стояла монолитная, устойчивая контрэлита —

сербское крестьянство, отметим при этом, слабо дифференцированное, имеющее примерно одинаковый экономический статус и объединенное в особую социальную структуру — задругу²⁵. К началу XX в. она из семейной структуры стала превращаться в значительную производственную кооперативную единицу — важную часть экономики страны²⁶. Главное и первое противоречие в жизни Сербии было налицо. Не случайно сам проводник нового экономического курса Милан Обренович и его сын Александр с подозрением относились к таким земледельческим союзам, небезосновательно полагая, что они могут стать очагом распространения радикализма и представлять опасность для правящей династии²⁷.

Печальный финал сербских реформаторов конца XIX — начала XX вв. не кажется нам чем-то неожиданным. Патриархальное состояние сербского общества, глубоко отличное от социально-экономических и политических реалий Европы, ключевым образом влияло на характер и особенности изменений страны в указанный период. В Западной Европе развитие мощных городских центров, распространение густой сети коммуникаций способствовали смещению сословий и созданию новых социальных страт, что, по замечанию политолога М. Кревельда, привело к тому, что «индустриальное общество ослабило или разрушило старые связи, где люди привыкли жить вместе бок о бок, такие как большая семья, кланы, племена, деревни, гильдии и даже относительно небольшие городские сообщества, которые, окруженные своими стенами, существовали на протяжении веков и к тому времени чудовищно разрослись благодаря притоку населения из сельской местности. Этот упадок заставил людей почувствовать себя оторванными от корней, обнаженными, как никогда раньше подверженными воздействию “рыночных сил”, которые, казалось, управляли их жизнью и которые они ни в малейшей степени не могли контролировать»²⁸. В Сербии же процесс реанимации собственной государственности шел в соответствии с традиционными ценностями самоорганизации социума — всё той же задруги, порождая определенные «инверсивные политические конструкции, в которых “старое” иногда декларативно выдавалось за “новое”, “традиционное” — за “современное”»²⁹. Примером

подобного рода может служить дискуссия в скупщине в начале 80-х годов XIX в. между «европеизированными» напредняками и «традиционалистами»-радикалами по поводу строительства, казалось бы, необходимой для развития страны железной дороги Белград-Ниш. Выступая против этого строительства, лидер радикалов утверждал, что «построенная во исполнение чужой воли и на чужие деньги железная дорога угрожала низвести Сербию до положения вечного сырьевого придатка, что со временем могло привести к превращению сербов в народ-пролетарий, находящийся в услужении у богатого Запада, к вырождению их в служащий чуждым целям и не способный к сопротивлению этнографический материал»³⁰.

В свою очередь и собственную власть сербский крестьянин рассматривал как часть собственного «микромира»³¹. Статусность руководителя, который в глазах народа, воспитанного на традициях «крестьянской демократии», был скорее главой семьи, за которым, по справедливому замечанию А.Л. Шемякина, «они признавали лишь первенство, но не превосходство»³², играла здесь не последнюю роль. Такое «семейное» восприятие народом своего монарха являлось естественным выражением отношения традиционного крестьянского общества к власти и собственному государству, когда правитель выдвигался из своей же среды и ею же мифологизировался. Именно поэтому мы не видим на сербском престоле представителей иностранных династий³³. Структурный политический кризис, усугубившийся к тому же династическим вопросом, нарастал как снежный ком. Тимокское восстание 1883 г. и неудачная война с Болгарией 1885 г. завели Милана Обреновича в окончательный тупик, который в январе 1889 г. вынужден был отречься от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра и вскоре покинул страну. В апреле 1893 г. Александр Обренович совершил государственный переворот, досрочно провозгласив себя совершеннолетним, и взял власть в свои руки. Милан вернулся в страну и стал соправителем сына. В апреле 1894 г. специальным королевским указом ему было возвращено сербское подданство и права члена королевского дома.

6 апреля 1901 г. Александр провозгласил новую конституцию, разработанную напредняками еще в 1896 г., которая вводила

двухпалатный парламент: народную скупщину и сенат, что можно рассматривать как последнюю попытку компромисса лидеров основных политических партий Сербии и короля. Однако этот акт не снял внутренней напряженности в стране, иллюстрацией чего может служить раскол внутри Радикальной партии, часть членов которой образовала в мае 1901 г. Сербскую независимую радикальную партию («самосталцы» или «младорадикалы»), во главе с профессором Л. Стояновичем. Сербский король, в свою очередь, усилил режим личной власти, сформировав в ноябре 1902 г. новое, «нейтральное» правительство генерала Д. Цинцар-Марковича, а в январе 1903 г., в нарушение законодательства, распустил Скупщину с тем, чтобы как можно дольше сохранить у власти правящий кабинет министров.

Российский посланник в Белграде Н.В. Чарыков, анализируя произошедшие события, сделал вполне определенные выводы: «Король отделался от неугодных ему сенаторов и членов Державного (Государственного. — *Я. В.*) совета — в большинстве радикалов, избавился от скупщины — в большинстве радикальной, избавился от судей, судивших не по указаниям администрации, а по закону, избавился от печати, критиковавшей его распоряжения, и, наконец, избавился от избирательного закона, который через тайную подачу голосов давал возможность избирателям не повиноваться правительственным указаниям»³⁴. Прошедшие в середине мая 1903 г. выборы в новую скупщину, от участия в которых демонстративно отказались радикалы, походило на настоящий фарс. Как заметил тот же Н.В. Чарыков, «заранее назначенные, преданные правительству избиратели передали заранее назначенным, преданным правительству комиссиям заранее запечатанные конверты с именами правительственных кандидатов»³⁵. На избирательные участки явилось всего 182583 чел., из которых только 1312 чел. проголосовали против указанных им заранее лиц. Выбранные таким образом 130 депутатов были распределены на три фракции, которым, как заметил российский посланник, «были приданы названия прежних политических партий». Так, 62 депутата представляли либералов, 34 — напредняков, а 24 — радикалов. Н.В. Чарыков при этом иронически отметил, что 10 депутатов новой скупщи-

ны были до такой степени преданы правительству, что «оно само не знает, как их назвать»³⁶.

Итогом «нового» курса стал уничтоживший Обреновичей государственный переворот 29 мая 1903 г. Однако убийство королевской четы, короля Александра и его жены Драги, одновременно стало новым цивилизационным выбором страны. Исходя из политологического тезиса о том, что «идеологии сами по себе явились инновацией, возникшей из новой культурной ситуации, созданной французской революцией»³⁷, значительная часть исследователей считает, что сербская история 1878–1914 гг. представляет собой поступательный процесс становления парламентской системы и основ современного европейского государства. Так, по мнению российского историка Е.П. Кудрявцевой, с 30-х годов XIX в., т.е. после достижения автономии, Сербское княжество «представляло собой такой общественный организм, который имел черты капиталистического строя при сохранении значительных пережитков феодального характера»³⁸. В свою очередь маститый сербский историк Р. Лушич замечает: «И хотя Сербия прошла через ряд тяжелых кризисов — таможенную войну, аннексионный кризис, Балканские и Первую мировую войны, в стране постоянно происходил процесс становления демократии и парламентского государства, прерванный как раз в тот момент, когда достиг наивысшего результата»³⁹. Его коллега О. Попович-Обрадович подчеркивает, что «вся политическая история Сербии 1903–1914 гг. может рассматриваться как история овладения основными политическими предпосылками конституционности»⁴⁰. Подобным же образом оценивает динамику политических процессов и особенно события мая 1903 г. С.И. Данченко, замечая, что ликвидация режима Обреновичей, который стал «серьезным тормозом для внутривнутриполитического и внешнеполитического развития страны», стала главным положительным итогом «для сил демократии и сторонников парламентаризма в Сербии»⁴¹. В свою очередь, известные сербские историки М. Радоевич и Л. Димич особо подчеркнули, что «в ту эпоху демократизации, утверждения демократических принципов люди обретали навыки участия в политической жизни — могли с балконов Скупщины следить за политическими дискуссиями, свободно слушать

лекции тех или иных профессоров университета и высказывать мнения по важным вопросам. Достигнутый таким образом уровень зрелости тоже способствовал подготовке к грядущим испытаниям»⁴².

Действительно, переворот 1903 г. был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры власть была передана демократически избранным государственным структурам⁴³, а сразу же после осуществления переворота с небольшими изменениями была восстановлена конституция 1888 г. Выбранная Народная скупщина состояла из 160 депутатов, из которых 74 были радикальными; Независимая радикальная партия получила 61 место, 19 мест — либералы и только 1 место — напредняки. Либерально настроенные современники оценили свержение Обреновичей как важный шаг по пути превращения Сербии в правовое конституционное государство. Вот, например, что писало российское издание «Новое время»: «Все газеты высказывают надежду, что начинающаяся сегодня эпоха принесет стране благо. “Odjek”(Эхо. — Я. В.) думает, что Сербия будет в будущем действительно правовым государством и станет с достоинством равноправно в ряды семьи цивилизованных европейских государств»⁴⁴. Этот же факт признавали многие известные политики, в том числе и российские. Так, С.Ю. Витте писал: «Должен только сказать, что со времен вступления Петра Карагеоргиевича на престол конституционного государства, к каким принадлежит Сербия, он себя держит в высокой степени корректно-конституционно, так что представляет собою короля, против которого нельзя сделать никакого упрека»⁴⁵.

И на первый взгляд перемена династии действительно может рассматриваться как глобальная перемена основополагающих норм сербского государства, своеобразной «эрой Перикла»*, прерванной трагедией Первой мировой войны⁴⁶. Известный сербский историк Д. Батакович, обосновывая этот тезис, в предисловии к мемуарам сербского генерала П. Драшкича не без гордости

* «Эра Перикла» — период наивысшего внутреннего расцвета древних Афин. Ряд авторов полагает, что подобное выражение применимо к Сербии начала XX в., ставшей к 1914 г. современным правовым государством, полностью соответствующим «европейским стандартам».

отмечал, что всего лишь за сто лет сербское государство прошло путь от Белградского пашалыка до современного европейского государства со стабильной экономикой, оформленным гражданским сословием и демократическими порядками⁴⁷. Не случайно Скупщина, на заседании которой произошло утверждение нового монарха, квалифицировала переворот как революцию, провозгласив заговорщиков «настоящими революционерами, истинными апостолами народной свободы»⁴⁸. Сербский генерал Н. Аранджелович в своих воспоминаниях пафосно подчеркивал, что после прихода к власти Петра Карагеоргиевича «поменялось отношение к нашей власти. Его правление показало, что на престоле находится человек демократических убеждений. <...> Каждый серб в Сербии мог свободно сказать: “Люблю свою страну за то, что живу в республике, где президент Петр I Карагеоргиевич, или в монархии, где король — гражданин, республиканец, подобный американскому демократу Д. Вашингтону”»⁴⁹. Российский военный агент в Сербии И.Н. Сысоев, характеризуя настроения белградского общества непосредственно после событий 29 мая 1903 г., также отмечал, что офицеров-заговорщиков приветствовали как спасителей отечества, «городские общества устраивали им банкеты, на которых их чествовали как героев дня». Таким образом, замечает он, «политическая роль, принятая на себя армией, была как бы санкционирована всей страной»⁵⁰. Однако он же заметил: «Медовый месяц короля Петра скоро прошел; после торжеств и веселия, которыми сопровождалось возвращение Его Величества в отечество, начались полные тревог будни»⁵¹.

О. Попович-Обрадович, признавая, что после 1903 г. в сербской политической системе взаимодействовали два политических фактора — один легальный, представленный скупщиной и политическими партиями, а другой — внеконституционный, который олицетворяли офицеры-заговорщики, тем не менее не склонна преувеличивать роль офицерского корпуса страны после событий 29 мая 1903 г. Исследовательница пишет: «Ключевым вопросом нового режима, с самого начала, был вопрос о преобладании между скупщиной и королем, нежели вопрос о преобладании между политическими партиями и армией, гражданской и военной властью»⁵². Именно поэтому она делает вывод о том, что

переворот знаменовал собой качественно новый этап политического развития страны, связанный с развитием конституционных институтов и переходом Сербии к парламентской монархии. «Заговорщики стали политической силой еще до того, как в страну приехал король, в чем заслуга именно народного представительства, а своим положением стоящей над законом структуры они обязаны прежде всего Радикальной партии и радикальной скупшине. Без сомнения можно сказать, что политическая роль армии в большой степени была отражением зрелости, силы и готовности политических партий ей себя противопоставлять»⁵³. Таким образом, по мнению О. Попович-Обрадович, легитимное избрание нового монарха явилось реализацией мечты свято-андреевских либералов «о исключительной законотворческой роли скупщины, которая определяла облик монархической власти»⁵⁴.

Однако тезис авторитетной сербской исследовательницы «о легитимном и свободном выборе» нового короля нуждается в существенной корректировке. Прежде всего отметим, что события 1903 г. являют собой классический пример «верхушечного» переворота, не затронувшего глубинных основ сербского общества и не приведших к кардинальным изменениям всей его структуры, а сведения российских дипломатов весьма показательны характеризуют «свободный и легитимный выбор» нового монарха. Так, Н.В. Чарыков особо подчеркивал, что «главную причиной избрания князя Петра Карагеоргиевича явилось решение офицеров, располагающих еще белградским гарнизоном, что они не допустят иного выбора»⁵⁵. Причем, первым нового монарха Сербии провозгласил подполковник П. Мишич в четыре часа утра после совершения убийства, прямо во дворе королевского дворца. Российский посланник при этом упомянул, что у офицеров-заговорщиков не только «имеется письменное обязательство князя править конституционно и демократически», но и добавлял в донесении от 31 мая 1903 г., что «скупщина, по внешности свободная в своем выборе, принуждена волею этих офицеров избрать князя Петра»⁵⁶.

В то же время сами реалии политической жизни Сербии в первые месяцы после переворота были далеки от идеалов «свято-андреевских либералов», а события 1903 г. не принесли

стране политического единства, поскольку характерной чертой государственного развития страны в 1903–1914 гг. стало взаимовлияние и типологическое наложение друг на друга трех основных факторов политического развития страны: трон — парламент — армия. Причем, уже спустя месяц после переворота, российский военный агент в Белграде И.Н. Сысоев с тревогой заметил: «До сих пор еще не раздалось ни одного отрезвляющего голоса, приглашающего армию оставить внутреннюю политику и заняться своими прямыми делами»⁵⁷. Сысоев в донесении, отправленном в июле 1903 г., характеризуя внутривластическое состояние страны и указывая на неспособность нового короля проявить твердость в принятии государственных решений, отметил, что «от двора не отдано до сих пор никакого распоряжения, ограничивающего права военнотружущих писать в газетах, а между тем вред от этих писаний совершенно очевиден»⁵⁸.

Прежде всего заметим, что в Сербии, как среди широких общественных кругов, так и среди значительной части офицерского корпуса, сдержанную и даже враждебную оценку получили не только сам переворот и метод его осуществления, но и решение об избрании нового короля. Н.В. Чарыков, подчеркивая, что «в народе не заметно сожаления о короле и королеве», тем не менее отмечал, что решение об избрании Петра Карагеоргиевича «встречено в Сербии холодно, скорее как необходимость, чем радость. Приверженцы короля намереваются достигнуть удаления офицеров, участвовавших в заговоре; эти, напротив, сознавая свою силу, ожидают блестящей карьеры». Радикальная и Младорадикальная партии сразу же сформировали оппозицию заговорщикам, одновременно начав политическое соперничество. Так, Пашич и Вуич, назначенные в июне 1903 г. членами Государственного совета, были вынуждены тут же подать в отставку из-за позиции, занятой в правительстве лидерами младорадикалов — Живковичем, Вельковичем и Стояновичем, которые заявили о неуместности данного назначения, намекнув, что «деятельность этих двух новых членов Государственного совета в прошлое царствование не была особенно достойна»⁵⁹.

Единство мнений отсутствовало и во временном правительстве страны. Уже в августе 1903 г. случился первый министерский

кризис. Как заметил российский дипломатический представитель, его причиной «послужили раздоры между сторонниками партии заговорщиков и их противниками, причем, за последнее время разномыслие это замечалось и между членами самого кабинета 29 мая». Так, министры юстиции и просвещения, Живкович и Стоянович, которые «давно поняли, что оставаясь далее министрами, они потеряют свою популярность и рискуют даже проиграть выборы», ушли в отставку⁶⁰. К ним примкнули министр финансов Велькович и военный министр генерал Атанацкович. Причем, отставка военного министра, как сообщал поверенный в делах российского посольства в Сербии В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин, была вызвана «отказом ему со стороны некоторых министров в испрашиваемом дополнительном кредите 800000 франков. Согласие на этот кредит министры обусловили отрешением от должности 8 офицеров старого режима, на что не согласился Атанацкович»⁶¹. Новым главой военного ведомства стал полковник Соларович, также принимавший активное участие в свержении Обреновичей.

Даже сербский посланник в Софии Маринкович, еще недавно пивший за здоровье нового короля шампанское, ушел в оппозицию, а вследствие этого и в отставку. «Приняв решение открыто поступить в ряды оппозиции под начальством Пашича, Маринкович более не скрывает своих впечатлений от короля Петра и правительства, и эти впечатления вполне согласуются с тем, что я слышал от многих лиц, как болгар, так и иностранцев, имевших случай ознакомиться с настоящими обстоятельствами Белграда», — писал российский посланник в Софии Ю.П. Бахметьев⁶².

Характерно и то обстоятельство, что после восшествия на престол зависимость нового монарха от своего нового военного и политического окружения была практически абсолютной. Не случайно депутаты скупщины, печать, да и сами военные требовали скорейшего удаления из армии организаторов этого жестокого убийства, ставя им в вину, в том числе, и поправление всех моральных норм. Приведем в этой связи один показательный пример. В начале апреля 1904 г. король решил совершить поездку по стране. Муравьев-Апостол-Коробьин писал в МИД 6 апреля 1904 г. по этому поводу: «Король пригласил с собой не

только заговорщиков, но и некоторых других участников переворота, не входящих в состав свиты, Генчича и Хаджи Тома, и лишь после угрозы кабинета выйти в отставку согласился отказаться от общества этих последних»⁶³. Н. Пашич, комментируя эту поездку в сербской прессе, также выразился весьма категорично: «Не все Карагеоргиевичи были умны, но зато все они упрямы, и король Петр, по-видимому, также упрямы»⁶⁴.

Усилилась и характерная для Сербии эпохи Обреновичей «министерская чехарда». С 1903 по 1914 гг. в Сербии сменилось 18 кабинетов министров, т.е. в среднем каждый из них работал всего по 7,3 месяца. Только за первые три года после переворота 1903 г. сменилось шесть правительств, которые пребывали у власти в среднем по 165 дней⁶⁵. Российский военный агент Сысоев отметил по этому поводу, что «Сербия — классическая страна министерских кризисов, но так тяжело давно в ней не было»⁶⁶. Да и сам переворот мало что изменил в патриархальных представлениях сербского общества о сложившихся в стране традиционных принципах доступа к властным структурам, а, следовательно, и получения соответствующих должностям привилегий.

Приход к власти новой династии вызвал лишь партикулярное опасение у белградской политической «элиты» замены старых чиновников родственниками нового короля. Н.В. Чарыков писал в Петербург в июле 1903 г.: «В Сербии оказывается до 300 бедных родственников короля Петра со стороны Ненадовичей. Многие из них приехали теперь в Белград и ожидают, что король начнет завтра же массовое увольнение теперешних чиновников и даст им места последних»⁶⁷. Российский консул в Нише С.С. Чахотин, донося в МИД о прошедших в городе 29 июня (11 июля) 1903 г. торжествах по поводу дня рождения короля Петра, особо подчеркнул: «Дело ограничилось официальным торжеством, к которому население города и офицеры остались довольно равнодушными. Причиной того является близость недавнего государственного переворота, лишившего многих жителей города выгодных должностей и поставившего во главе государства несимпатичных населению деятелей»⁶⁸. Летом 1903 г. газетная кампания развернулась и против генерала Атанацковича, которого, как заметил И.Н. Сысоев, «упрекают в том, что он

протежирует своим родственникам, что он нисколько не лучше покойного генерала Павловича»⁶⁹. Да и сам новый король, по словам российского посланника Чарыкова, перед своим приездом через специального курьера напомнил «своим сторонникам, что имущество его отца было конфисковано по случаю убийства Михаила Обреновича (в 1868 г. — *Я. В.*), что он без средств, с большой семьей и просит его хорошо обеспечить при избрании»⁷⁰. В первые месяцы правления короля Петра большое влияние на него, помимо Якова Ненадовича, оказывали Живоин Балугджич и Дамиан Попович, ставший его адъютантом.

Первые назначения нового монарха подтвердили подобные опасения. Н.В. Чарыков сообщал в Петербург: «Король начал назначения и заместил должность начальника своей канцелярии делившим с ним изгнание родственником Яковом Ненадовичем. Здесь склонны усматривать в этом назначении шаг фаворитизма в отношении родни»⁷¹. Эти первые шаги Петра Карагеоргиевича на посту главы государства вызывали даже некоторые опасения у политиков, напрямую причастных к перевороту и его воцарению. Чарыков, установивший после переворота тесные контакты с радикалом Д. Симичем, писал в одном из донесений, что «Симич, первая жена которого была сестрой князя Петра Карагеоргиевича»⁷², не скрыл от меня, что многочисленная и разнообразная семья князя может явиться помехой успешности его правления, как семья Луневицей для последних Обреновичей»⁷³. В этом смысле весьма показательна данная Чарыковым характеристика настроений значительной части сербского общества непосредственно после убийства королевской четы: «Между тем с самых первых часов междоцарствия среди сербов обозначилось стремление воспользоваться последним, чтобы положить конец тем затруднениям, которые потерпела Сербия от присутствия на ее престоле национальных династий. "Нам нужен король", — говорили сторонники этой мысли, — который был бы выше нас всех, который бы не состоял в родстве или семейной вражде с тем или другим из своих подданных. Обреновичей погубили Луневицы, Карагеоргиевичей погубят Ненадовичи. Нам нужно, наконец, спасти Сербию от этих начал и гибельных терзаний, призвав на сербский престол иностранного принца»⁷⁴. Подобные

опасения в разговорах с Чарыковым высказывал и австро-венгерский посланник К. Думба, по мнению которого, «правление Карагеоргиевича не прочно и не продолжительно. Предложенный устав (конституция. — *Я. В.*) слишком ограничивает королевскую власть. Голодные родственники обозлят местных сербов, а с офицерством, удерживающим в своих руках власть, король будет не в силах справиться»⁷⁵. Эту же опасность для новой королевской династии понимали и политические лидеры Сербии. Тот же Чарыков в донесении от 8 (21) июня 1903 г., пересказывая разговор с новым министром иностранных дел Калиевичем, отмечал, что последний «намерен советовать королю, предоставив внутреннюю политику ее обычному течению, заняться армией. При опыте и личных свойствах короля он сумеет приобрести среди нее обаяние и преданность и восстановит в ней нравственные основы, без которых для него самого не будет безопасности»⁷⁶.

В дополнение сведений Чарыкова приведем выдержку из донесения российского дипломата Муравьева-Апостола-Коробьина, в котором он анализирует внутривосточное положение Сербии спустя два месяца после переворота: «Исчезли в мгновение ока Обреновичи, воцарился быстро и по всем правилам конституции Карагеоргиевич, но сербы остались всё те же. Одна ночь, хотя бы и столь значительная, не смогла их переродить. Уснули на время страсти, встрепенулись некоторые чистые надежды и патриотические благие порывы. Однако для осуществления последних требуется время, и много времени, тогда как для пробуждения природных инстинктов, зависти и ревности оказался вполне достаточным и протекший двухмесячный срок. Флаги сняты, потух фальшивый блеск иллюминаций, умолкла музыка — снова начались, притихшие на время, бесконечные раздоры партий. Как и следовало ожидать, первый сигнал эти раздорам был дан самим же сербским войском»⁷⁷. К.А. Губастов в записке министру иностранных дел России В.Н. Ламздорфу был еще более категоричен: «Стремление к насильственным переворотам находится в них самих [сербях. — *Я. В.*], в общественных условиях страны, в народном характере. Это вполне подтверждается всею историей. С 1830 года, т.е. с тех пор, как Милош сделался законным признанным князем, и до сегодняшнего дня в Сербии

происходит непрерывное кипение политических страстей, подобное кипению расплавленного и нагреваемого металла в котле. Это брожение не есть парламентская борьба партий, обычная, не говоря уже в настоящих конституционных, но даже в лжеконституционных государствах. Нет, это просто необузданное стремление по природе жадных, страстных и полуобразованных, полуголодных демократов к достижению посредством низкопоклонства (при Милоше, при Михаиле и при Милане) или посредством некоторой ловкости власти, чтобы из вчерашнего ничтожества сделаться министрами, из недавней жертвы превратиться в свою очередь в мстителя и мучителя»⁷⁸. Еще один российский дипломат в Белграде Евреинов чуть позже, в 1906 г., дополнял своего коллегу: «Партийная борьба делается всё непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия. Она охватывает все слои общества, прежде к ней непричастные, и возрастающие под ее пагубным влиянием поколения неизбежно будут всё более и более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот, могущий оказаться спасительным кризис»⁷⁹.

Заметим также, что возвращенная «самая демократическая» сербская конституция осталась по сути всё той же политической декларацией, нежели стала вдруг реально отражать потребности патриархального традиционного общества, поскольку верхушечный переворот сам по себе просто не мог в одночасье изменить состояние основ сербской государственности, фундаментом которой по-прежнему были патриархальные традиции сербской семейной задруги. Это прекрасно понимала и сама крестьянская масса Сербии. Русский публицист А.В. Амфитеатров приводил следующее услышанное им в Белграде в 1909 г. крестьянское мнение о работе Скупщины и функционировании государственных структур Сербского королевства: «Надоели нам все партии, опротивели смены министров. Кажется, доведут нас до того, что мы их по шеям прогоним. А найдем семь хороших адвокатов, напишем им подробные доверенности, чего мы хотим*, и пусть они защищают наши интересы перед скупщиной. Плохи окажутся — доверенности отберем и других найдем»⁸⁰. Как это похоже

* Так в тексте.

на уже упоминавшиеся нами сведения П.А. Ровинского и других русских путешественников середины — конца XIX в.! В этой же связи к особенностям политического состояния Сербии после 29 мая 1903 г. как никогда подходят слова философа Б.Г. Капустина о том, что в подобных структурах «улыбка Чеширского кота, т.е. моральная привлекательность гражданского общества, есть, а самого кота, т.е. социологически обнаруживаемого гражданского общества, нет»⁸¹. Неслучайно В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин подметил, что «быть может все эти принципы Ж.Ж. Руссо, внесенные было сюда из Женевы, прекрасны сами по себе, но они оказались неприемлемы в стране, едва вышедшей из рабства и потрясенной национальной драмой, оставившей глубокий след во всех слоях общества»⁸².

А что же харизма и авторитет правителя, соответствующие представлениям сербского крестьянства о власти и ее характере? Если свергнутые Обреновичи их растеряли, то у нового монарха первоначально они просто отсутствовали. С.Ю. Витте в своих воспоминаниях упоминает о встрече с будущим монархом, посетившим Петербург незадолго до переворота, который, по мнению российского министра финансов, никак не соответствовал образу королевской особы. «Он имел такой несчастный вид, что вот уж я никак не думал, что через несколько месяцев он станет королем. У него было имение в Румынии, и вопрос заключался в том, чтобы ему выдать ссуду под это имение». Что ж, Витте, ненавидя находившихся при русском дворе дочерей черногорского короля Николы, опрометчиво считал, что к нему явился обыкновенный проситель денег с Балкан: «Я помню, что когда пришел ко мне Петр Карагеоргиевич, я как раз случайно сию минуту принять его не мог и заставил ждать четверть часа»⁸³. Более детальную характеристику нового сербского монарха в контексте восприятия обществом страны его личности непосредственно после восшествия на престол дает сообщение Ю.П. Бахметьева из Софии 14 июля 1903 г.: «Сам король, по-видимому, еще не освоился со своим новым положением и еще не может избавиться от своих “буржуазных” женеvских привычек. Он любит ходить на базар и разговаривать с торговками, покупая у них фрукты, но его популярность от этого вовсе не возрастает, а, напротив,

уважение к нему уменьшается. Здешний народ любит простоту, но простоту, связанную с величием и с некоторой пышностью, а добродушный король на базаре вызывает только усмешки; кроме того, оказывается, что, страшно скучая в своем одиночестве, в первые же дни Его Величество спросил, где находится самая лучшая кофейня, где можно наблюдать за шахматной игрой? Впрочем, когда к нему нагрянут все 300 родственников, о которых пишет Чарыков, то ему уже нельзя будет жаловаться на однообразие»⁸⁴. В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин дополнял своего коллегу: «Его строгая конституционность и уважение права и свободы зачастую объясняются чрезмерным недостатком инициативы; корректность в сношениях с окружающими его приближенными и общественными деятелями склонны рассматривать как результат опасения за свое личное положение. Выдержанность и старание понемногу сблизать и мирить враждующие военные партии объясняется боязнью проявить энергию в обстоятельствах, не только щекотливого для него свойства, но даже подозрительного для многих лиц. Сама старость и строгий домашний образ жизни короля редко ставятся ему в упрек, и выражается иногда удивление, что с такими не королевскими привычками и в эти годы он мог добиваться короны, и столь радостно поспешил принять оную из окровавленных рук офицеров сербской армии»⁸⁵.

Так можно ли смотреть на Сербию после 1903 г. как на новое, молодое демократическое государство западноевропейского типа? На наш взгляд, скорее нет, чем да. Переворот 1903 г., никак не изменив сформированную Миланом Обреновичем социально-экономическую и политическую систему страны, так и не снял с повестки дня важнейший для Сербии вопрос: «Куда и с кем идти?», в то же время ярко проиллюстрировав очевидность невозможности продолжения трансформации внешнего влияния в фактор внутреннего развития при сохранении цивилизационных основ сербского общества, взаимного приспособления традиционных и современных структур, их совершенствования и продуктивного синтеза. В то же время стала очевидной невозможность возвращения к старому, ликвидация современных общественных отношений и подавление всего европейского на

бытовом уровне. Именно поэтому в политическом смысле 1903 год принес новые черты. Приход к власти династии Карагеоргиевичей способствовал тому, что наряду с «сильными персонами» окончательно формируются подлинно социальные государственные лидеры — Н. Пашич и его соратники-радикалы с концепцией создания народного славянского государства, в котором главную роль должна была играть «"народная партия", олицетворяющая социальные и национальные интересы народа»⁸⁶.

События мая 1903 г., таким образом, не только не ослабили внутрисербский кризис, а привели к его углублению еще и потому, что именно с этого времени началось столкновение руководителей старорадикальной партии, ставшей после переворота главной политической силой в стране и опасавшейся восстановления в Сербии режима личной власти, и военными — непосредственными организаторами переворота. После 1903 г. они заняли влиятельные посты в армии, что явилось значительным внеконституционным фактором политического развития страны в 1903–1914 гг. и вовлекло в бурные обсуждения политической жизни широкие слои сербского общества, прежде всего на страницах прессы. Фактически все газеты перешли в оппозицию королю и новым руководителям армии, за исключением газеты «Нови покрет» («Новый курс»), которую издавали они сами. В конце октября 1905 г. военный агент в Сербии полковник И.Н. Сысоев доносил в Петербург: «В последнее время сербская оппозиционная печать, к которой относятся наиболее распространяемые газеты, стала требовать от правительства удаления из армии главарей партии “заговорщиков”, захвативших после кровавого государственного переворота 29 мая 1903 года важнейшие посты в армии и до сих пор находящиеся как бы в привилегированном положении»⁸⁷. Жаль, что невозможно было реализовать предложение одного профессора из Вены — снарядить большую экспедицию к Северному полюсу, включив в ее состав главных участников переворота. «Таким образом, по мнению профессора, все заговорщики под благовидным предлогом будут удалены из страны на три-четыре года, а затем, быть может, вернутся с такими научными трофеями, которые заставят иностранные правительства забыть о трагедии в конаке (во дворце. — Я. В.)»⁸⁸.

Внутрисербский конфликт перешел в новую стадию, грозя материализоваться во вполне конкретных политических событиях, которые не замедлили вскоре начаться.

Таким образом, пример Сербии прекрасно иллюстрирует тезис о том, что «попытки осуществить политическую модернизацию до того, как стала необратимой модернизация социальная и экономическая, приводят к неудаче, ибо антимодернизаторские силы используют демократию в своих интересах, часто под популистскими лозунгами»⁸⁹. На примере становления и развития сербской государственности можно проследить то, как процесс вхождения в современное европейское общество зависит не только от темпов изменения экономики, политики, быта, культуры и т.д., но и от их сбалансированности, умения руководителей государства своевременно вносить коррективы как во внутреннюю, так и во внешнюю политику, поскольку несовпадение интересов государства и общества может привести страну к дореформенному состоянию или глубокому системному кризису, поскольку традиционно избираемые патриархальным, аграрным населением старейшины, которые соответственно были перед ним и ответственны, постепенно выдавливались назначаемыми сверху «чужими» чиновниками⁹⁰. Наступающая вместе с новым веком европеизация, с одной стороны, и борьба за сохранение внутренней свободы, с другой, стали глубинными противоречиями патриархального сербского социума конца XIX — начала XX вв., а сама политическая вестернизация страны, наиболее активно начавшаяся после 1878 г., находилась в глубоком разрыве с традиционными общественными структурами страны.

Примечания

¹ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д., 1999. С. 27.

² Народная Радикальная партия — крупнейшая политическая сила страны, оформилась в 1881 г. Ее лидером был один из выдающихся сербских политиков Никола Пашич. В конце XIX в. составляла ведущую оппозиционную силу режиму Обреновичей. Напредняцкая (прогрессистская) партия основана в 1881 г. Одним из ее лидеров был известный государственный деятель Сербии Милан Пирочанец (1837–1897), занимавший в 1874–1875 гг. пост министра иностранных дел, а в 1880 г. ставший главой правительства страны. Напредняки поддерживали династию Обреновичей и находились у власти в 1880–1883 гг., 1884–1887 гг., 1895–1896 гг. Однако в 1896 г. партия утратила свое значение и была распуше-

- на. Вновь была восстановлена в 1906 г. Либеральная партия, одним из главных лидеров которой был Йован Ристич, продолжила традиции «свято-андреевских либералов» — сербских интеллектуалов, получивших образование в европейских учебных заведениях, требовавших на сместившей Александра Карагеоргиевича и возвратившей на престол Обреновичей Свято-Андреевской скупщине (начала работу 30 ноября 1858 г.), расширения полномочий Народной скупщины как носителя высшей законодательной власти и гаранта основных гражданских и политических прав и свобод граждан. Во внешней политике либералы выступали против откровенно проавстрийского курса Милана Обреновича.
- ³ *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // *Славянские народы: общность истории и культуры* М., 2000. С. 23.
 - ⁴ Русские о Сербии и сербах: письма, статьи, мемуары (сост. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин). СПб., 2006. С. 559.
 - ⁵ *Кузьмичева Л.В.* Сербская государственная идея. 60–70-е гг. XIX в. (Проблема идеологического выбора) // *Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг.* СПб., 2005. С. 157.
 - ⁶ *Ламанский В.И.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии // *Русские о Сербии и сербах.* С. 29.
 - ⁷ *Ровинский П.А.* Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // *Русские о Сербии и сербах.* С. 76.
 - ⁸ *Нушич Б.* Из записок // *Избранные сочинения.* В 4-х т. Т. 4. Белград, 1968. С. 24.
 - ⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 84 об.
 - ¹⁰ Стоян Новакович являлся не только видным государственным деятелем Сербии второй половины XIX — начала XX вв., но и крупным ученым, историком и филологом.
 - ¹¹ О Симиче см. подробнее: *Столић А.* Ђорђе Симич. Последњи српски дипломати XIX века. Београд, 2003.
 - ¹² В 1900 г. сын Милана Александр Обренович женился на фрейлине своей матери королевы Натальи, Драге Машин, которая пользовалась дурной репутацией в обществе. Этот шаг сербского престолонаследника еще больше усугубил внутренний структурный кризис в стране, став одной из причин свержения правящей династии в результате переворота 29 мая 1903 г. Политик Владан Джорджевич отметил, что за время правления короля Александра были сформированы «министерства первого государственного переворота, кабинет второго низвержения конституции, кабинет третьего нарушения королем своей присяги; затем “обручальное”, “свадебное” и “акушерское министерство”» // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 101.
 - ¹³ Русские о Сербии и сербах. С. 275–276.
 - ¹⁴ *Раич С.* Милан Пирочанац, Стоян Новакович и Владан Джорджевич — интеллектуальная «троица» сербских напредняков (прогрессистов) о славянской взаимности // *Историки-слависты МГУ: кн. 8: Славянский мир в поисках идентичности: В ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи.* М., 2011. С. 366–367.
 - ¹⁵ *Трубецкой Гр. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 91.
 - ¹⁶ *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996. С. 74.
 - ¹⁷ *Perović L.* Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti Srpske države // *Srbija u modernizacijskim procesima.* Beograd, 2018. S.237.

- 18 Вукичевич М. Король Петр I и Сербия. Пг., 1915. С. 24. К 1912 г. в стране насчитывалось уже 1425 начальных школ и 49 средних и специальных учебных заведений. См.: *Шемякин А.Л.* В плену у традиции. Русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX — начало XX века) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время: Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2009. С. 134.
- 19 Там же.
- 20 *Радоевич М., Димич Л.* Сербия в Великой войне 1914–1918. Краткая история. Белград, 2014. С. 34–35.
- 21 *Троцкий Л.Д.* Сербская пресса // Русские о Сербии и сербах. С. 523–524.
- 22 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 133.
- 23 *Ратковић-Костић Славица Б.* Европеизација српске војске: 1878–1903 године. Београд, 2007. С. 315–316.
- 24 Там же. С. 402–403. В 1891 г. в сербской армии появились новые французские пушки 120 Ц - М 1890; *Бјелајац М.* Дипломатија и војска. Србија и Југославија 1901–1999. Београд, 2010. С. 28–29; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. Изд-е 2. М., МГИМО, 2016.
- 25 Задруга, являясь, по сути, большой патриархальной семьей, состояла из 20–30 человек, как правило, нескольких сыновей одного отца с их семьями, жившими на одном дворе. П.А. Ровинский так описал своё знакомство с такой семьей: «Тут в семействе жило вместе не более 10–12 человек, с детьми (кроме священника), но рядом двор принадлежал к этой же семье: собственно, это один двор, который недавно только перегородили надвое. Еще две семьи, вышедшие из этого двора, поселились подальше. До разделения вместе жило душ до 30-ти, и составляли одну семейную общину — задругу, которая имела одного выбранного поглаваря, или старейшину, общее неразделенное имущество, жила и работала сообща, повинуюсь распоряжению одного и семейному совету» // См.: Русские о Сербии и сербах. С. 97.
- 26 Первая подобная кооперативная земледельческая задруга, созданная, в том числе и для сбыта сельскохозяйственной продукции, была основана в марте 1894 г. В 1908 г. в Сербии насчитывалось уже 636 таких задруг, «располагавших собственными капиталами на общую сумму свыше 12 миллионов динар» // *Содомеров А.И.* Сербия. М., 1915. С. 31.
- 27 Вукичевич М. Король Петр I и Сербия. С. 26.
- 28 *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 249.
- 29 *Белов М.В.* Проблема институционализации и легитимации власти в Сербии в 1804–1830 гг. // Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006. С. 54.
- 30 Цит. по: *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. С. 242; Концессия о строительстве первой сербской железной дороги была подписана 22 января (3 февраля) 1881 г. с фирмой «Юнион Женераль», главой которой был Эжен Бонту. 30% акций фирмы принадлежало австрийскому «Лендербанку». Однако его предприятие лопнуло в 1882 г., а основатель фирмы был предан в Париже суду. Это дело еще больше подлило масла в огонь политического кризиса в Сербии, поскольку всплыл факт крупного подкупа со стороны Бонту не только видных чиновников страны, но и самого короля.
- 31 *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. С. 177.
- 32 Там же. С. 192.
- 33 Данная точка зрения также раскрыта в работах М.В. Белова, посвященных изучению источников, идейных основ и особенностей формирования серб-

- ской «повстанческой государственности» // *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII в. — середина 30-х гг. XIX в. СПб., 2007.
- 34 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 194–195.
- 35 Там же. Л. 322.
- 36 Там же. Л. 322 об.–323.
- 37 *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003. С. 128.
- 38 *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия 30–40 гг. XIX в. М., 2002. С. 44.
- 39 *Љушић Р.* Историја српске државности. Србија и Црна Гора. Књига II. Нови Сад, 2001. С. 219–220.
- 40 *Popović-Obradović O.* Ideja i praksa u Srbiji 1869–1914: između Liberalne i narodne države // *Rusija, Srbija, Crna Gora.* Beograd, 2000. S. 53–54. См. также материалы научной конференции «Сербия в модернизационных процессах XX века» // *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka.* Beograd, 2018.
- 41 *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. С. 404.
- 42 *Радоевич М., Димич Л.* Сербия в великой войне 1914–1918. Краткая история. С. 35–36.
- 43 *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // *Славяноведение.* 2004. № 3. С. 7–20; *он же.* Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 30–31.
- 44 Новое время. 31 мая (13 июня) 1903 г.
- 45 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 429.
- 46 *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. С. 31; *Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского // *Русские о Сербии и сербах.* Т. III. (сербские сочинения П.А. Ровинского). СПб.–М., 2019. С. 18–19.
- 47 *Драшкић П.* Моји мемоари. Београд, 1990. С. 19.
- 48 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 122–123.
- 49 Архив Србије. НА 55. Л. 4 об.
- 50 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп 4. Д. 313. Л. 60–61.
- 51 Там же. Л. 83 об.
- 52 *Popović-Obradović O.* Ideja i praksa u Srbiji 1869–1914. S. 53.
- 53 *Ibid.* S. 54.
- 54 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. С. 114; *Курчатова О.В.* Tertius Gaudens. Что получила Россия от смены династий в Сербии в 1903 году // *Славянский сборник: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8.* Саратов, 2010. С. 88.
- 55 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 50.
- 56 Там же. Л. 36.
- 57 РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 61 об.
- 58 Там же. Л. 65. Российский военный агент подчеркивал, что «жалкая и разнужданная сербская печать» особенно негативно способствует разложению сербских вооруженных сил. «В газетах постоянно печатаются статьи, письма и заметки, написанные офицерами, в которых порицаются распоряжения начальства, сводятся личные счеты и выносятся сор из избы. Недавно, например, в газетах было письмо, подписанное: “один из заговорщиков” // Там же. Л. 72.
- 59 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 17–17 об.
- 60 Поводом к этому первому министерскому кризису послужил указ Петра Карагеоргиевича о назначении маршалом Двора военного агента в Константинополе полковника Лешанина, чему немало способствовал министр финансов Велькович.

Но «самосталцы» и заговорщики не захотели видеть в Белграде ненавистного им сторонника Обреновичей. Король, как отметил В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин, «оказался между огнем и полымнем, предоставив новому маршалу продолжать отправлять свою должность в Константинополе, что и вызвало отставку министра финансов» // См.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 113.

61 Там же. Л. 113–113 об.

62 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 205.

63 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 84.

64 Там же.

65 *Стојановић Д.* Србија и демократија. Београд, 2003. С. 37.

66 РГВИА. Ф. 2000. Д. 817. Л. 41 об.

67 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 120.

68 Там же. Л. 194.

69 РГВИА. Ф. 400. Оп.4. Д. 313. Л. 72–72 об. Военный министр, генерал Павлович был убит заговорщиками в ночь переворота 29 мая 1903 г. См. о нем подробнее: *Шемякин А.Л.* Убиение генерала Павловича. Как в Белграде расстреливали георгиевского кавалера. // Родина. 2007. № 9. С.67–71.

70 АВПРИ Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л.36–36 об.

71 Там же. Л. 59.

72 Первой женой Д. Симича была Елена Карагеоргиевич, к тому времени скончавшаяся.

73 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 36.

74 Там же. Л. 69–69 об.

75 Там же. Л. 72.

76 Там же. Л. 107.

77 Там же. Л. 212.

78 АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 98. 1905 г. Л. 7 об.

79 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 167 об.

80 Русские о Сербии и сербах. С. 467.

81 *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: избранные эссе. М., 2010. С. 32.

82 АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 52. Л. 570.

83 *Vitte С.Ю.* Избранные воспоминания. С. 428.

84 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 205 об. И впоследствии отношение сербского крестьянства к Петру Карагеоргиевичу продолжало оставаться весьма своеобразным. Журналист Д. Рид писал в книге «Вдоль фронта», что их возница, утверждая, что его лошади самые лучшие в Сербии, сказал, что жеребца он назвал воевода Мичич [Ж. Мишич] — в знак уважения к генералу, одержавшему решительные победы над австрийцами в 1914 году, а *кобылу* (курсив мой. — Я.В.) — король Петр // *Рид Д.* Вдоль фронта. М.: Л., 1928. С. 104.

85 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 241–241 об. В октябре 1903 г. тот же Муравьев-Апостол-Коробьин сообщал о приезде в Белград А.Н. Долгорукова, якобы представляющего официальный Петербург. Он публично предложил заменить Петра Карагеоргиевича великим князем Андреем Владимировичем, «при этом он прибавил, что накануне его выезда из Петербурга, за обедом у графини Шуваловой, он предложил эту комбинацию, показавшуюся симпатичной всем присутствующим, в числе коих был и князь Голицын, шталмейстер Двора е.и.в. великого князя Владимира Александровича». Причем, отношение

российских высокопоставленных особ к сербской монархии как к государству второго сорта проявляется в этих словах особенно явственно. Газета «Народни лист» не только напечатала этот слух, но и «в оправдание политики покойного Александра, ... напечатала в передовой статье, что самым серьезным и желательным кандидатом в наследовании сербского престола в глазах короля Александра также являлся будто бы великий князь Андрей Владимирович» // Там же. Л. 237.

⁸⁶ *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 433–434.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 2000. Д. 824. Л. 21.

⁸⁸ *Теплов В.А.* Сербская неурядица. СПб., 1903. С. 39.

⁸⁹ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 31.

⁹⁰ *Вишняков Я.В.* Внеконституционные факторы в развитии сербской государственности // *Славяноведение*. 2006. №1. С. 8–13.